



Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
27 September 2024
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола в отношении сообщения № 3168/2018* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Геворгом Газаряном (представлен адвокатами Араиком Газаряном и Мери Багдасарян)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Армения
<i>Дата сообщения:</i>	15 ноября 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 27 марта 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	9 июля 2024 года
<i>Тема сообщения:</i>	полицейское насилие против журналиста, освещавшего демонстрацию
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; степень обоснованности жалоб
<i>Вопросы существа:</i>	свобода выражения мнений; право на эффективное средство правовой защиты; дискриминация на основании профессии
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 3), 19 и 26
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2 и 5 (пункт 2 b))

* Приняты Комитетом на его сто сорок первой сессии (1–23 июля 2024 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Родриго А. Карасо, Ивонна Дондерс, Махджуб эль-Хайба, Карлос Гомес Мартинес, Лоренс Р. Хелфер, Марсия В. Дж. Кран, Бакр Вали Ндиай, Эрнан Кесада Кабрера, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чан Рок Со, Тияна Шурлан, Кодзи Тэрая, Элен Тигруджа и Имэру Тэмэрэт Йыгэзу.

*** В приложении к настоящим Соображениям приводятся совместное мнение членов Комитета Ивонны Дондерс и Лоренса Р. Хелфера (согласное) и особые мнения членов Комитета Кодзи Тэрай (согласное) и Элен Тигруджи (несогласное).



1. Автор сообщения является Геворг Газарян, гражданин Армении 1989 года рождения. Он утверждает, что является жертвой нарушения государством-участником его прав, предусмотренных пунктом 3 статьи 2, статьями 19 и 26 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 23 сентября 1993 года. Автор представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является внештатным журналистом, освещающим в основном политические и общественные события для международных и региональных информационных агентств. 17 июля 2016 года в Ереване, Армения, произошло вооруженное нападение на здание полка патрульно-постовой службы. Несколько полицейских были взяты в заложники, один полицейский был ранен и впоследствии скончался. Группа, напавшая на отделение полиции, выдвинула политические требования, включая отставку президента и правительства.

2.2 Вскоре после этого нападения сторонники вооруженной группы начали организовывать мирные акции протеста, публичные собрания и митинги. Периодически происходили столкновения с полицией, в ходе которых, по мнению автора, действия полиции были равносильны нарушению прав демонстрантов на свободу мирных собраний и личную свободу. Поступали также сообщения о применении полицией пыток и унижающего достоинство обращения во время задержаний.

2.3 29 июля 2016 года на площади Свободы в Ереване прошел митинг в поддержку вооруженной группы. Организаторы призвали протестующих прошествовать к оккупированному зданию полка патрульно-постовой службы. Митингующие разделились на две группы, которые направились к зданию разными маршрутами.

2.4 Вечером 29 июля 2016 года автор, узнав об эскалации событий в Ереване, отправился снимать репортаж в район Сари Тах, при этом на нем был значок с надписью «пресса». В какой-то момент полицейский попросил журналистов переместиться в более безопасное место. Вместе с 20 другими журналистами автор перебрался в небольшой парк неподалеку. Оттуда он делал фотографии и снимал протест на фото- и видеокамеру. Внезапно в его сторону была брошена светошумовая граната, от которой пострадали несколько других журналистов, находившихся в парке. В результате еще одного взрыва был поврежден жилой дом. Когда его жители выбежали, чтобы пожаловаться полиции, они были избиты полицейскими в штатском. Автор снял это на видео. Заметив, что он ведет видеосъемку, три или четыре сотрудника полиции приблизились к нему, стали ему угрожать и наносить удары. Один из них схватил видеокамеру автора, та упала на землю и разбилась. Автор попытался извлечь карту памяти из камеры, но полицейские не дали ему этого сделать. У него также отобрали фотоаппарат. Когда автор попытался вернуть его, полицейский стал ему угрожать. Автор заметил, что сотрудники полиции действуют агрессивно и по отношению к другим журналистам и поспешил покинуть место событий.

2.5 30 июля 2016 года Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело № 61205016 по факту применения насилия в отношении журналистов по статье 164 Уголовного кодекса «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем применения насилия, опасного для здоровья журналистов, и иными способами». Генеральная прокуратура передала дело в Специальную следственную службу для проведения предварительного расследования. 3 августа 2016 года Специальная следственная служба возбудила второе уголовное дело № 62220515 в связи с событиями, произошедшими 29 июля 2016 года, по статье 308 «Злоупотребление должностными полномочиями» и статье 309 «Превышение должностных полномочий» Уголовного кодекса. Эти два дела были объединены в одно производство 3 октября 2016 года. В ходе расследования автор был допрошен и ему был присвоен статус потерпевшего. Были инициированы медицинское обследование и экспертиза его фотокамеры, но автор утверждает, что о результатах ему не сообщили. Он также заявляет, что на момент подачи жалобы в Комитет 15 ноября 2017 года никаких других следственных действий по этому делу не проводилось.

2.6 Автор утверждает, что в стране не существует эффективного средства правовой защиты в рамках уголовного судопроизводства, чтобы обжаловать бездействие в процессе расследования. Согласно статье 290 Уголовно-процессуального кодекса, обжаловать в суде можно «решения» и «действия» следственных органов. Непроведение расследования, однако, не указано в числе оснований для обжалования. В связи с этим автор утверждает, что не имеет возможности оспорить бездействие и неспособность Специальной следственной службы провести надлежащее расследование в разумные сроки. Кроме того, он отмечает, что в Уголовно-процессуальном кодексе не определены сроки проведения уголовного расследования, что, по его словам, усиливает неопределенность, с которой сталкиваются потерпевшие в отношении продолжительности уголовного расследования. Поэтому автор утверждает, что в государстве-участнике не существует эффективного средства правовой защиты в связи с нарушением его прав.

Содержание жалобы

3.1 Автор утверждает, что был избит сотрудниками полиции, что одна из его камер была разбита, а другая — отобрана и что все это связано с его работой в качестве журналиста. О том, что он журналист, полицейским было известно, и они действовали намеренно, чтобы помешать ему выполнить свою работу и проинформировать общественность о том, что происходило во время демонстрации 29 июля 2016 года, в нарушение его прав, предусмотренных статьями 19 Пакта.

3.2 Автор также заявляет, что были нарушены его права по статье 26, рассматриваемой в совокупности со статьями 19 Пакта. Он утверждает, что подвергся преследованию и дискриминации как журналист, освещающий событие, представляющее общественный интерес. Он также отмечает, что именно его профессия стала причиной отсутствия следственных действий по его делу.

3.3 Автор также указывает на нарушение его прав по пункту 3 статьи 2, рассматриваемой в совокупности со статьями 19 Пакта. Он заявляет, что по его утверждениям о действиях полиции не было проведено эффективного расследования и что власти не приняли мер по поиску, установлению и наказанию виновных.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 27 декабря 2018 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и по существу сообщения. Оно заявляет, что сообщение должно быть признано неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты и недостаточной обоснованностью утверждений автора.

4.2 Государство-участник отмечает, что 30 июля 2016 года Специальной следственной службой были возбуждены два уголовных дела, которые впоследствии были объединены в одно производство, по статье 164 Уголовного кодекса за воспрепятствование профессиональной деятельности журналистов, а 3 августа 2016 года — по статьям 308 и 309 Уголовного кодекса за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий сотрудниками полиции. В ходе предварительного расследования были установлены личности предположительно пострадавших 106 граждан и 24 журналистов. Шестьдесят граждан и 21 журналист получили статус потерпевших, а остальные, включая 60 сотрудников полиции, были допрошены в качестве свидетелей. Ни одному лицу, обратившемуся с просьбой о признании в качестве потерпевшего, не было в этом отказано, что позволило им активно участвовать в производстве по делу. Следовательно провел различные следственные действия и поручил проведение оперативно-розыскных мероприятий органам дознания для проверки законности действий полиции и соразмерности применения «спецсредств» во время событий 29 июля 2016 года. 18 сентября 2018 года следователь принял решение о приостановлении предварительного расследования по делу автора на том основании, что «лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено». Вместе с тем по итогам других частей расследования восемь человек были привлечены к уголовной ответственности, а судебное разбирательство в отношении еще одного

обвиняемого на момент представления государством-участником замечаний продолжалось. Кроме того, в связи с событиями 17–28 июля 2016 года и 29 и 30 июля 2016 года начальником полиции было возбуждено два дисциплинарных производства. В результате внутреннего дисциплинарного расследования 13 сотрудников полиции были привлечены к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, неправомерное применение силы и непринятие достаточных мер для предотвращения применения силы к журналистам и повреждения их оборудования.

4.3 Государство-участник заявляет, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Оно отмечает, что в соответствии со статьей 290 Уголовно-процессуального кодекса потерпевший может обжаловать решения и действия следственных органов вышестоящему прокурору, а в случае неудачи — в суде. Согласно сложившейся практике Конституционного суда, это право также включает в себя право оспаривать предполагаемое бездействие в ходе расследования¹. Кроме того, государство-участник требует соответствия национальных законов решениям Конституционного суда. Государство-участник отмечает, что, хотя автор в своем представлении Комитету утверждает, что не имеет возможности обжаловать бездействие следственных органов в ходе производства по делу, это заявление опровергается его последующей жалобой на решение о приостановлении уголовного производства. Государство-участник также сообщает о наличии административных средств правовой защиты в отношении предполагаемых незаконных действий сотрудников полиции. Статья 69 Административно-процессуального кодекса устанавливает право истца требовать признания административного акта неправомерным. Государство-участник признает, что в настоящее время автор не может подать такую жалобу, поскольку, согласно практике Административного суда, подача жалобы в рамках административной процедуры невозможна, пока тот же вопрос рассматривается в рамках уголовного процесса, а может быть подана только после завершения уголовного разбирательства. Государство-участник отмечает, что в данном случае продолжающееся уголовное судопроизводство не позволяет автору подать административную жалобу. Вместе с тем оно утверждает, что у него появится такая возможность в будущем, когда будет завершено производство по уголовному делу. С учетом вышесказанного государство-участник приходит к выводу, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты.

4.4 В отношении утверждений автора по статьям 19 и 26 Пакта государство-участник заявляет, что в соответствии с правовой практикой международных органов по правам человека эффективность расследования должна оцениваться не по его результатам, а по применяемым в ходе процесса следственным мерам и средствам. В настоящем деле государство-участник утверждает, что в ходе расследования были проведены все возможные следственные и оперативно-розыскные мероприятия для установления личности предполагаемых преступников. Были проведены многочисленные допросы, в некоторых случаях была назначена и проведена судебно-медицинская экспертиза, потерпевшие были проинформированы о результатах следственных действий и могли высказать по ним свои замечания. Все видеозаписи событий были должным образом изучены, чтобы установить подозреваемых. Однако эти меры не обеспечили достаточных оснований в соответствии со стандартом доказательства «вне разумных сомнений» для выдвижения обвинений по делу автора.

4.5 Государство-участник отмечает, что автор в ходе расследования не подавал ходатайство. Вместе с тем оно сообщает, что автор обжаловал решение следователя от 18 сентября 2018 года о приостановлении уголовного производства, и его жалоба на момент представления государством-участником настоящих замечаний все еще находилась на рассмотрении в первой инстанции. В своей жалобе автор не указал никаких конкретных мер, которые должны были быть приняты в ходе расследования, за исключением изучения видеозаписи, которая и так была изучена. Государство-участник отмечает утверждение автора о том, что причиной неэффективности

¹ Государство-участник ссылается на решение ПКС-844 Конституционного суда Армении от 7 декабря 2009 года.

расследования стала его профессия журналиста, и называет это утверждение необоснованным, учитывая тот факт, что по итогам расследования восемь человек, включая сотрудников полиции, были привлечены к уголовной ответственности.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

5.1 6 мая 2019 года автор представил свои комментарии к замечаниям государства-участника. Он настаивает на том, что его сообщение является приемлемым.

5.2 Автор принимает к сведению информацию государства-участника о том, что восемь человек были привлечены к уголовной ответственности и что на момент представления замечаний государством-участником разбирательство в отношении одного обвиняемого продолжалось. Однако он утверждает, что государство-участник не уточнило, были ли кому-либо из этих обвиняемых предъявлены обвинения в нападении на журналиста, а также какова была роль этих обвиняемых. События 29 июля 2016 года активно снимались на видео и транслировались в прямом эфире, поэтому установить причастных не должно было составить никакого труда. Кроме того, автор отмечает, что на допросе в полиции он заявил, что, вероятно, сможет опознать нападавших на него, но ему не предоставили такой возможности.

5.3 Автор отмечает заявление государства-участника о том, что он не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Автор утверждает, что решение Конституционного суда, на которое ссылается государство-участник, не определяет понятия «бездействие» и «непринятие мер», и оставляет этот вопрос на усмотрение законодательных органов. Однако до сих пор парламент не внес поправки в статью 290 Уголовно-процессуального кодекса, чтобы включить в нее понятие «бездействие». Таким образом, он утверждает, что данное положение не имеет правовой определенности. Автор также повторяет свой аргумент о том, что в Уголовно-процессуальном кодексе не указаны предельные сроки проведения уголовного расследования. Согласно статье 197 Уголовно-процессуального кодекса расследование обычно проводится в течение двух месяцев. Однако этот срок может быть продлен, и количество таких продлений не ограничено. Автор утверждает, что в его деле, учитывая продолжительность предварительного следствия, внутренние средства правовой защиты оказались неэффективными, поскольку разбирательство было неоправданно затянуто. Автор также утверждает, что в его представлении по вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты нет противоречия, поскольку, получив решение следователя о приостановлении уголовного производства по его делу, он обжаловал это решение на том основании, что следователи не изучили надлежащим образом видеозаписи и не провели процедуру опознания. В ходе рассмотрения дела в первой инстанции следственный орган заявил, что, поскольку во время мероприятия было задействовано более 1000 полицейских, предоставить автору фотографии всех сотрудников для опознания было бы невозможно. Автор утверждает, что можно было бы начать с предоставления ему фотографий 13 сотрудников полиции, в отношении которых было возбуждено дисциплинарное производство, чтобы выяснить, был ли кто-либо из них причастен к его делу. Что касается вопроса о дисциплинарной процедуре, то автор отмечает, что такие меры не могут заменить уголовную ответственность.

5.4 4 апреля 2019 года суд первой инстанции отклонил жалобу автора на постановление о приостановлении расследования, указав, что, поскольку расследование было просто приостановлено, именно следственному органу и исключительно по его собственному усмотрению надлежит принимать решение о проведении следственных действий. Автор утверждает, что решение суда также свидетельствует о неэффективности внутренних средств правовой защиты, поскольку суд не оценил эффективность расследования до его приостановления. По мнению автора, напрашивается очевидный вывод о том, что за два года производства по делу следственные органы так и не смогли провести всестороннее, оперативное и тщательное расследование. Что касается аргумента государства-участника о том, что автор может подать административную жалобу, то автор утверждает, что административная жалоба не является адекватным средством в рамках уголовного

дела. Кроме того, он отмечает, что государство-участник само признает, что он не может подать такую жалобу до завершения уголовного разбирательства.

5.5 5 июня 2020 года автор представил дополнительную информацию о внутреннем разбирательстве. Он отмечает, что обжаловал решение суда первой инстанции о приостановлении уголовного расследования. 6 августа 2019 года следственный орган возобновил уголовное расследование. 23 августа 2019 года уголовный апелляционный суд оставил жалобу автора без удовлетворения. 6 мая 2020 года адвокат автора направил запрос в следственный орган с просьбой предоставить информацию о ходе расследования и мерах, принятых для установления виновных. 8 мая 2020 года следственный орган ответил, отметив, что расследование было возобновлено и, в случае представления каких-либо ходатайств, они будут рассмотрены.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 23 января 2023 года государство-участник представило дополнительные замечания относительно сообщения. Оно принимает к сведению утверждение автора о том, что имеющиеся видеозаписи не были должным образом проанализированы с целью установления личности злоумышленников, предположительно напавших на автора. Оно сообщает, что на имеющихся видеозаписях не зафиксировано предполагаемое нападение на автора, поэтому они не могут быть использованы для установления подозреваемых по его делу. Государство утверждает, что приостановление уголовного производства не означает его прекращения и что на самом деле оно продолжается, в том числе в отношении жалоб автора.

6.2 Государство-участник повторяет свой аргумент о том, что в отношении автора были приняты все меры, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, и было проведено всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств дела. Однако на основе собранных доказательств установить личность лица (лиц), подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по делу автора, не удалось, и с учетом этих обстоятельств производство по делу было приостановлено. Государство отмечает утверждение автора о том, что он не был проинформирован о результатах следственных действий по делу. Однако автор был уведомлен о том, что ему следует явиться в Специальную следственную службу 16 сентября 2016 года, чтобы получить информацию о принятых по делу мерах и сделанных выводах. Автор выполнил это указание, был проинформирован о результатах проведенных следственных мероприятий и заявил, что «не имеет ходатайств или возражений». Автора вызывали в Специальную следственную службу, чтобы проинформировать о мерах, принятых в рамках расследования, также и в другие даты: 22 и 29 августа и 18 ноября 2016 года, а также 28 февраля и 7 апреля 2017 года. Однако автор не явился в Специальную следственную службу ни по одной из этих повесток.

6.3 Государство-участник отмечает, что приостановление производства по уголовному делу не влечет за собой полного прекращения уголовного разбирательства. Приостанавливая производство, орган, ведущий следствие, пытается не допустить неоправданного истечения уголовно-процессуальных сроков. Государство-участник также отмечает, что, согласно части 4 статьи 483 Уголовно-процессуального кодекса, принятого 30 июня 2021 года, уголовные дела, приостановленные до 1 июля 2022 года, возобновляются в течение года с момента принятия решения следователем или судом и должны быть расследованы в порядке, предусмотренном Уголовным кодексом. Что касается дела автора, то государство-участник сообщает, что 5 апреля 2022 года было принято решение о приостановлении производства по уголовному делу № 61205016 на том основании, что «лицо (лица), подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено». В январе 2023 года расследование было вновь возобновлено на основании статьи 483 Уголовно-процессуального кодекса. Государство-участник утверждает, что, поскольку окончательное решение по делу автора еще не вынесено, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет должен решить в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, поскольку не обжаловал предполагаемое бездействие следственных органов в соответствии со статьей 290 Уголовно-процессуального кодекса и сложившейся практикой Конституционного суда вышестоящему прокурору, отрицательное решение которого может быть обжаловано в судебном порядке. Он также отмечает информацию государства-участника о том, что приостановленное расследование было впоследствии возобновлено на основании статьи 483 Уголовно-процессуального кодекса, и его заявление о том, что, поскольку окончательное решение по делу автора еще не вынесено, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что статья 290 Уголовно-процессуального кодекса не имеет достаточной правовой определенности и не позволяет ему оспорить предполагаемое бездействие следственного органа. Он также принимает во внимание его утверждение о том, что, учитывая продолжительность предварительного следствия, разбирательство было неоправданно затянуто.

7.4 Комитет напоминает, что, согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет не рассматривает никаких сообщений, пока не удостоверится в том, что были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты; вместе с тем это правило не действует, если установлено, что применение внутренних средств правовой защиты было или будет неоправданно затянуто или вряд ли обеспечит эффективную защиту предполагаемого потерпевшего². Комитет ссылается на свое решение по делу *Г. Г. против Армении*³, в котором он установил, что для целей исчерпания внутренних средств правовой защиты в связи с утверждением о предполагаемой неэффективности предварительного уголовного расследования автор обязан подать жалобу в соответствии со статьей 290 Уголовно-процессуального кодекса. Комитет отмечает, однако, что в данном случае расследование было начато в июле 2016 года и с тех пор несколько раз приостанавливалось и возобновлялось. Он также принимает к сведению информацию государства-участника о том, что расследование было вновь возобновлено в январе 2023 года и что окончательное решение по делу автора еще не вынесено. Комитет считает, что с учетом того, что к моменту представления государством-участником замечаний прошло семь лет, а предварительное расследование так и не было завершено, разбирательство было неоправданно затянуто. Что касается заявления государства-участника о возможности подачи административной жалобы, то Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что административное решение не является эффективным средством правовой защиты в уголовном деле, а также информацию государства-участника о том, что, кроме того, автор не может подать такую жалобу, пока не завершено уголовное расследование. Учитывая вышесказанное, Комитет считает, что требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению им настоящего сообщения.

7.5 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор не смог в достаточной степени обосновать свои утверждения по статье 19, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 и статьей 26 Пакта. Комитет

² См., например, *Амиров против Российской Федерации* (CCPR/C/95/D/1447/2006), п. 10.3.

³ *Г. Г. против Армении* (CCPR/C/124/D/3075/2017), пп. 4.6 и 6.4.

также отмечает утверждение автора в соответствии со статьей 26 Пакта о том, что он стал объектом нападков из-за своей профессиональной деятельности в качестве журналиста и что его профессия также является предполагаемой причиной неэффективности расследования. В том что касается жалобы автора по статье 26, рассматриваемой в совокупности со статьей 19 Пакта, Комитет отмечает, что автор не представил достаточной информации в поддержку этой жалобы для целей приемлемости. Соответственно, он признает эту часть сообщения неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

7.6 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он подвергся нападению со стороны сотрудников полиции и что одна из его камер была изъята полицией, а другая разбита и что эти действия были связаны с его журналистской деятельностью в нарушение его прав по статье 19 Пакта. Вместе с тем Комитет отмечает, что автор не смог в достаточной степени обосновать это утверждение, и поэтому решает рассмотреть его жалобу по статье 19 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Таким образом, Комитет признает сообщение приемлемым в части утверждений автора, касающихся статьи 19 Пакта, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

8.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 Комитет ссылается на пункт 2 своего замечания общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и их выражения, в котором он, среди прочего, заявил, что свобода выражения мнений имеет ключевое значение для любого общества и является основополагающим элементом любого свободного и демократического общества. Комитет также напоминает, что свободная, не подлежащая цензуре и ограничениям пресса или другие средства информации в любом обществе являются важным элементом обеспечения свободы мнений и их выражения, а также реализации других предусмотренных Пактом прав и одним из краеугольных камней демократического общества⁴. Комитет далее напоминает, что государства-участники должны принимать эффективные меры по защите обладателей права на свободное выражение своего мнения от попыток заставить их замолчать и что ни при каких обстоятельствах агрессия в отношении лица, использующего свое право на свободное выражение мнений, несовместима со статьей 19 Пакта⁵. Он напоминает, что журналисты часто подвергаются таким угрозам, запугиванию и нападениям из-за своей деятельности и что все такие нападения должны тщательно и своевременно расследоваться, виновные должны привлекаться к ответственности, а жертвы — получать надлежащее возмещение ущерба⁶. В этой связи Комитет ссылается на пункт 15 своего замечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего правового обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, в котором он отметил, что государства-участники должны выполнять общее обязательство оперативно, тщательно и эффективно расследовать утверждения о нарушениях с помощью независимых и беспристрастных органов.

8.3 В данном случае Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что на него напали сотрудники полиции, несмотря на наличие у него значка представителя прессы, и что они разбили его видеокамеру и забрали фотоаппарат. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что объектом нападения он стал из-за своей журналистской работы по освещению действий полиции в связи с общественной демонстрацией. Далее он принимает к сведению утверждение о том, что расследование этих событий было неэффективным и велось с многочисленными задержками. Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что в ходе расследования были проведены все возможные следственные и оперативно-

⁴ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 13.

⁵ Там же, п. 23.

⁶ Там же.

розыскные мероприятия для установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Комитет также отмечает информацию государства-участника о том, что по итогам расследования произошедших событий 8 человек, включая сотрудников полиции, были привлечены к уголовной ответственности, а 13 сотрудников полиции были привлечены к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, неправомерное применение силы и непринятие достаточных мер для предотвращения применения силы против журналистов и причинения ущерба их оборудованию. В этой связи Комитет принимает к сведению довод автора о том, что государство-участник не представило никакой конкретной информации о судебном преследовании и дисциплинарном производстве, а также его аргумент, что он сообщил следователям по его делу, что, вероятно, сможет опознать напавших на него лиц, но ему не была предоставлена такая возможность.

8.4 Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что в соответствии с практикой международных органов по правам человека эффективность расследования должна оцениваться не по его результатам, а по применяемым в ходе процесса следственным мерам и средствам. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что в ходе расследования по делу автора были проведены все возможные следственные и оперативно-розыскные мероприятия для установления личности предполагаемых преступников. Комитет далее отмечает представленную государством-участником информацию о том, что были проведены многочисленные допросы, в некоторых случаях была назначена и проведена судебно-медицинская экспертиза, а потерпевшие, включая автора, были проинформированы о результатах следственных действий и могли высказать по ним свои замечания. Он также принимает к сведению информацию государства-участника о том, что все имеющиеся в материалах дела видеозаписи были изучены с целью установления предполагаемых виновных, однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы установить лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых по делу автора.

8.5 Комитет обращает внимание на заявление государства-участника о том, что в ходе расследования автор не обращался к следственным органам с жалобой на предполагаемую неэффективность расследования или на то, что следственными органами не было предпринято какого-либо конкретного шага по расследованию дела. Он также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что в своей жалобе на решение следователя от 18 сентября 2018 года о приостановлении уголовного производства автор не указал никаких конкретных мер, которые должны были быть приняты в ходе расследования, за исключением изучения видеозаписи, которая и так была изучена. Комитет считает, что, принимая во внимание информацию государства-участника о принятых им в ходе расследования мерах и его аргумент о том, что были проведены все возможные следственные и оперативно-розыскные мероприятия, а также отсутствие каких-либо конкретных аргументов со стороны автора относительно того, какие следственные действия не были проведены властями государства-участника, он не может на основании представленных ему фактов признать нарушение прав автора по пункту 2 статьи 19, рассматриваемому в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к мнению, что заявления автора не позволяют сделать вывод о нарушении государством-участником пункта 2 статьи 19, рассматриваемого в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

Приложение I

Совместное (согласное) мнение членов Комитета Ивонны Дондерс и Лоренса Р. Хелфера

1. Мы согласны с Комитетом, что в данном деле государство-участник не нарушило право на свободу выражения мнений само по себе или в процессе расследования им такого нарушения. Мы формулируем отдельное мнение, чтобы рассмотреть два вопроса, которые не были достаточным образом проработаны в правовой практике Комитета: а) сдерживающий эффект, создаваемый сотрудниками правоохранительных органов, которые конфискуют, уничтожают или повреждают мобильные телефоны, камеры, видеорегистраторы или аналогичные устройства, которые журналисты используют для освещения общественных протестов и демонстраций; и б) обязательство государства-участника расследовать жалобы журналистов на подобные неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов.

Сдерживающий эффект от конфискации или повреждения устройств, используемых журналистами

2. Автор, идентифицировавший себя в качестве журналиста, подвергся угрозам и физическому насилию со стороны сотрудников полиции, они забрали у него фото- и видеокамеры, повредили одну из них и не дали ему извлечь карту памяти из другой (пункт 2.4). При этом автор не был арестован, оштрафован или задержан. Государство-участник провело расследование событий, связанных с демонстрацией, включая жестокое обращение с автором, возбудило уголовное преследование и наказало нескольких сотрудников полиции (пункт 8.3).

3. Нам не известно о правовой практике какого-либо международного или регионального органа по правам человека, в которой в качестве возможного нарушения права на свободу выражения мнения рассматривались бы исключительно конфискация или уничтожение оборудования, используемого сотрудниками средств массовой информации. В имеющихся решениях Комитета и региональных судов изъятие такого оборудования обычно сопровождалось другими мерами, такими как задержание, содержание под стражей, штрафы или закрытие СМИ, которые оценивались с учетом положений об ограничении права на свободу выражения мнения¹.

4. Освещение средствами массовой информации событий, представляющих общественный интерес, включая демонстрации, без цензуры и ограничений является

¹ См., например, *Цуканов против Казахстана* (CCPR/C/131/D/2676/2015), пп. 2.1 и 10.4; *Абдурахманов против Узбекистана* (CCPR/C/125/D/2295/2013), пп. 2.4 и 7.6; и Inter-American Court of Human Rights, *Ríos et al. v. Venezuela*, Judgment, 28 January 2009. См. также European Court of Human Rights, *Butkevich v. Russian Federation*, Application No. 5865/07, Judgment, 13 February 2018; *Selmani et al. v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*, Application No. 67259/14, Judgment, 9 February 2017; и *Pentikäinen v. Finland*, Application No. 11882/10, Judgment, 20 October 2015. Статья 13 (3) Американской конвенции о правах человека содержит непосредственное упоминание оборудования в связи со свободой выражения мнений: «Право на выражение своего мнения не может ограничиваться косвенными методами или средствами, такими, например, как злоупотребление государственными... средствами контроля в отношении... либо оборудования, используемых при распространении информации, или же любыми другими средствами, создающими препятствия для коммуникации и распространения идей и мнений». Межамериканский суд по правам человека истолковал это положение как защиту коммуникации, распространения и обращения идей и мнений. См. *Ríos et al. v. Venezuela*, para. 340.

неотъемлемым аспектом свободы прессы². Журналисты играют жизненно важную роль в мониторинге протестов, причем не только как наблюдатели, но и активно собирая, проверяя и распространяя информацию о реакции властей на демонстрации и возможных нарушениях прав человека. Присутствие журналистов на таких мероприятиях способствует прозрачности и обеспечению ответственности и тем самым может сдерживать подобные нарушения. Конфискация, изъятие или уничтожение оборудования журналистов ограничивает выполнение этих важных функций и может оказать охлаждающее воздействие на свободу прессы, например лишить журналистов желания освещать события, представляющие общественный интерес. Государства-участники обязаны содействовать такому освещению в СМИ и защищать журналистов от нападения, а также от необоснованного изъятия или уничтожения их оборудования³. Они также обязаны должным образом расследовать подобные деяния в случае их совершения⁴.

Обязанность расследовать жалобы

5. В своем замечании общего порядка № 31 (2004) Комитет по правам человека истолковал пункт 3 статьи 2 как налагающий независимое обязательство расследовать утверждения о нарушениях Пакта. Как только властям государства-участника становится известно о таких утверждениях, они должны провести их скорейшее, тщательное и эффективное расследование с помощью независимых и беспристрастных органов. Непринятие государством-участником мер для проведения такого расследования само по себе может стать отдельным нарушением Пакта, даже если права жертвы фактически не были нарушены⁵.

6. Комитет чаще всего применяет эти принципы в отношении серьезных или грубых нарушений Пакта, таких как внесудебные казни, пытки, насильственные исчезновения, произвольные задержания, нарушения личной безопасности и тяжелые условия содержания в тюрьмах. В таких случаях Комитет регулярно приходит к выводу о том, что государства-участники нарушили основные положения Пакта в совокупности с пунктом 3 статьи 2. Основанием для таких выводов часто служит отсутствие какого-либо национального учреждения для расследования жалоб, отказ

² Замечание общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и их выражения, пп. 13 и 20; и замечание общего порядка № 25 (1996) об участии в ведении государственных дел и о праве голосовать, п. 25.

³ Региональные декларации и руководящие принципы, а также необязательные стандарты, принятые неправительственными организациями, подчеркивают важность предоставления журналистам возможности использовать фотоаппараты, видеорегистраторы и другие устройства. См., например, Бюро по демократическим институтам и правам человека, *Руководящие принципы Венецианской комиссии по свободе мирных собраний*, 2-е изд. (Венеция, 2010 год), п. 169: «не следует препятствовать проведению участниками собрания и третьими лицами фото- или видеосъемки полицейских операций по охране порядка, а любое требование полиции передать ей фото пленку, записи в цифровом формате или снятый видеоматериал сначала должно быть рассмотрено в суде»; и Декларация о принципах свободы выражения мнений в Африке, принятая 23 октября 2002 года Африканской комиссией по правам человека и народов на ее тридцать второй очередной сессии, ст. XI (1): «материальное разрушение средств связи подрывает независимую журналистику, свободу выражения мнений и беспрепятственное поступление информации населению». См. также Article 19, “International standards: regulation of media workers”, URL: <https://www.article19.org/resources/international-standards-regulation-media-workers>; и European Centre for Press and Media Freedom, “Press freedom police codex” (2020), URL: https://policecodex.eu/wp-content/uploads/2020/09/Police-Codex_mail.pdf.

⁴ *Butkevich v. Russian Federation*, para. 123; *Selmani et al. v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*, para. 75; *Pentikäinen v. Finland*, paras. 89 and 107; и Декларация о принципах свободы выражения мнений в Африке, ст. XI (2). См. также Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, “Briefing on human rights in the context of protests for journalists”, p. 2.

⁵ Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 15.

соответствующих органов или должностных лиц возбудить расследование или проведение явно недостаточного или неадекватного расследования⁶.

7. Однако правовая практика Комитета не дает подробного руководства по двум вопросам, поднятым в настоящем деле: а) распространяется ли обязательство проводить расследование на менее серьезные нарушения Пакта, включая положения, содержащие ограничительные оговорки, такие как право на свободу выражения мнений⁷; и б) характер и объем расследования, которое государство-участник должно провести в ответ на жалобы с утверждениями о таких нарушениях.

8. Что касается первого вопроса, то обязанность проводить расследования в принципе должна распространяться на нарушения любого положения Пакта. Обязательства, описанные в замечании общего порядка № 31 (2004), выражены в общих терминах и не ограничиваются каким-либо набором статей Пакта или конкретными видами нарушений. Что касается свободы выражения мнений, то, в частности, Комитет ранее выявлял нарушения статьи 19 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 в случаях, связанных с насилием, преследованием, уголовным преследованием или финансовыми санкциями⁸. Аналогичным образом в своем замечании общего порядка № 34 (2011) Комитет призвал государства-участники тщательно и своевременно расследовать все формы «агрессии» в отношении журналистов и правозащитников, определяя их как произвольные аресты, пытки, угрозы жизни и убийства⁹.

9. Факты, изложенные автором в данном деле, не связаны с «агрессией» в этом узком смысле, и, как уже упоминалось выше, автор не был задержан, подвергнут уголовному преследованию или оштрафован за освещение демонстрации. Тем не менее мы считаем, что государство-участник было обязано возбудить расследование, чтобы обеспечить соблюдение требований статьи 19, рассматриваемой вместе со статьей 2 (пункт 3), как и сделали национальные власти в настоящем деле.

10. Что касается второго вопроса — характера и объема расследований менее серьезных нарушений Пакта, — то в пункте 15 замечания общего порядка № 31 (2004) говорится, что расследования должны быть быстрыми, тщательными, эффективными и проводиться независимыми и беспристрастными органами. Решения Комитета и прецедентное право других международных органов по правам человека служат дополнительным руководством. Национальные власти обязаны добросовестно проводить расследования¹⁰. При принятии решения о возбуждении расследования они должны рассмотреть все соответствующие источники, включая информацию, предоставленную заявителем¹¹. Как только начато расследование, оно должно быть

⁶ См., например, *Мешани против Алжира* (CCPR/C/107/D/1807/2008), п. 8.10; *Бахадур Махарджан против Непала* (CCPR/C/105/D/1863/2009), п. 8.8; и *Траоре против Кот-д'Ивуара* (CCPR/C/103/D/1759/2008), п. 7.6. См. также замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, п. 14 (жалобы на нарушение статьи 7 «должны незамедлительно и беспристрастно расследоваться компетентными органами»).

⁷ В статье 19 предусмотрено, что пользование правом на свободное выражение мнений может быть «сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), или здоровья или нравственности населения».

⁸ См., например, *Нджару против Камеруна* (CCPR/C/89/D/1353/2005), пп. 6.1–6.4 (журналист подвергся нападению, пыткам и аресту за публикацию новостных статей, обличающих коррупцию и насилие со стороны сил безопасности); *Куидер Керруш против Алжира* (CCPR/C/118/D/2128/2012), п. 8.9 (гражданский служащий, сообщивший о хищениях и коррупции в государственной корпорации, приговорен к 18 месяцам тюремного заключения и штрафу за оскорбление государственного служащего); и *Перес Баррига и др. против Эквадора* (CCPR/C/136/D/3267/2018), п. 9.6 (владельцы и руководители газет и медиакомпаний подвергаются несоразмерным ограничениям в форме административных наказаний и штрафов).

⁹ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 23.

¹⁰ *Кроес против Нидерландов*, сообщение № 164/1984, п. 10.

¹¹ *Каламиотис против Греции* (CCPR/C/93/D/1486/2006), п. 7.3.

проведено оперативно, а жертве и свидетелям должна быть предоставлена реальная возможность участвовать в разбирательстве¹². Хотя решение о прекращении расследования или закрытии уголовного производства само по себе не является нарушением Пакта, национальные власти должны предоставить разумное объяснение такого решения¹³. Наконец, расследование и его результаты должны быть предметом пристального внимания общественности, чтобы обеспечить надежную подотчетность¹⁴.

11. По нашему мнению, национальные власти Армении обеспечили надлежащее соблюдение этих принципов, и Комитет совершенно справедливо не согласился с утверждениями автора об отдельных недочетах расследования (пункты 8.4 и 8.5). Тем не менее мы считаем, что важно подчеркнуть сдерживающий эффект изъятия или уничтожения полицией устройств, используемых журналистами, и дать государствам-участникам указания относительно характера и объема обязательств по расследованию таких неправомерных действий.

¹² Там же, п. 7.2. См. также Inter-American Court of Human Rights, *Cantoral Huamani and García Santa Cruz v. Peru*, Judgment, 10 July 2007, para. 190.

¹³ Kresimir Kamber, *Prosecuting Human Rights Offences: Rethinking the Sword Function of Human Rights Law* (Brill-Nijhoff, 2017), p. 130; и *Бенумес Гамарра против Парагвая* (CCPR/C/104/D/1828/2008), п. 7.5.

¹⁴ European Court of Human Rights, *Jordan v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*, Application No. 24746/94, Judgment, 4 August 2001, para. 109.

Приложение II

Особое (согласное) мнение члена Комитета Кодзи Тэраи

1. В своей оценке я согласен как с выводами, так и с основным обоснованием, представленным Комитетом. Тем не менее, как и г-жа Дондерс и г-н Хелфер в своем совместном мнении, я считаю, что обязательство государства-участника по проведению расследования следует дополнить некоторыми положениями.

2. Государства — участники Пакта обязаны проводить расследования, о чем Комитет говорит в пункте 15 своего замечания общего порядка № 31 (2004) и пункте 23 своего замечания общего порядка № 34 (2011) (пункт 8.2). Это обязательство следует толковать широко, выходя за рамки конкретных элементов, изложенных в этих замечаниях общего порядка, и оно может быть непосредственно выведено из пункта 3 статьи 2 как неизбежно из него следующее. Обязательства по Пакту, включая обязательства по статье 19, обеспечиваются с помощью судебных и административных механизмов (замечание общего порядка № 31 (2011), пункт 15), которые, естественно, включают в себя уголовные процедуры, сопровождаемые уголовным судопроизводством. Иными словами, государства-участники обязаны надлежащим образом осуществлять свои полицейские полномочия, что неизбежно включает в себя проведение расследований при наличии утверждений о неправомерных действиях полиции, независимо от тяжести правонарушения. Эта позиция в сочетании с важностью свободы выражения мнений и решающей ролью журналистов подразумевает, что государства-участники должны взять на себя более высокую степень и более широкий объем обязательств по проведению расследований.

3. Одной из причин, по которой Комитет не смог прийти к выводу о нарушении Пакта государством-участником, является отсутствие каких-либо конкретных аргументов со стороны автора относительно того, какие следственные действия не были проведены органами государства-участника (пункт 8.5). Однако важно признать, что автор не располагает инструментами расследования, доступными полиции. Кроме того, ситуация осложняется тем, что у автора отобрали фотоаппарат — важнейший инструмент журналиста, использованный против него. Просьба автора установить виновных и разъяснить распределение ролей (пункт 5.2) имеет большое значение в плане гарантий неповторения (замечание общего порядка № 31 (2011), пункт 16), что является одним из компонентов эффективного средства правовой защиты. Стоит отметить, что по видеозаписи не удалось установить виновных вне разумных сомнений (пункты 4.4 и 8.4), что говорит о том, что в будущем властям во избежание проблем будет проще предоставлять неполную видеозапись событий. Хотя тот факт, что восемь человек, включая сотрудников полиции, были привлечены к уголовной ответственности, возможно, и говорит о том, что государство-участник приняло эффективные меры или провело «добросовестное расследование» (совместное мнение г-жи Дондерс и г-на Хельфера, пункт 10), сложно определить, является ли этот уровень ответственности достаточным для того, чтобы продемонстрировать, что государство-участник выполнило свое обязательство по проведению расследования, особенно учитывая утверждение заявителя о том, что было задействовано более 1000 сотрудников полиции (пункт 5.3).

4. Другими словами, обязательство государства-участника, возможно, не было выполнено в полной мере или, по крайней мере, есть возможности для совершенствования в этом отношении. Учитывая, что само государство-участник утверждает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, можно предположить, что могут быть приняты дополнительные внутренние решения, в том числе касающиеся обязательств проводить расследование.

Приложение III

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Элен Тигруджи

1. Я не могу следовать линии аргументации Комитета в данном деле, касающемся отсутствия безопасности журналиста, освещающего общественные мероприятия. С другой стороны, я разделяю вывод о том, что государство провело внутреннее расследование должным образом. Эта линия аргументации является минималистской и противоречит международным стандартам защиты безопасности журналистов. Такой минималистский подход вызывает тревогу, его следует рассматривать в свете моего несогласия с Соображениями, принятыми по сообщению № 3039/2017, где я также выразила мнение, что Комитет не смог обеспечить защиту свободы прессы¹.
2. В данном деле факты, которые не оспариваются, позволяют выявить несколько элементов, имеющих решающее значение для рассмотрения обязательств государства в отношении свободы прессы: а) автор является журналистом, который освещает вопросы, представляющие общественный интерес (пункт 2.1); б) когда произошла стычка с сотрудниками полиции, автор занимался своей профессиональной деятельностью — готовил репортаж о протестах (пункт 2.4); в) у автора был значок с надписью «пресса», т. е. было очевидно, что он журналист (пункт 2.4); г) автор снимал на видеокамеру протесты и жестокое обращение полиции с жителями (пункт 2.4); и е) сотрудники полиции угрожали автору и избивали его, а фотоаппарат у него отобрали (пункт 2.4). Автор решил покинуть место событий (пункт 2.4).
3. В своем представлении в Комитет автор заявил о нескольких нарушениях Пакта, в том числе о нарушении статьи 19 в отдельности. В пункте 7.6, однако, Комитет пришел к выводу, что эта часть жалобы не является приемлемой, поскольку автор «не представил достаточных обоснований». Комитет не указывает, какими дополнительными элементами можно было бы обосновать это утверждение.
4. Я не согласна с этим выводом по трем основным причинам. Во-первых, Комитет рассматривает факты только в их процессуальном аспекте, а именно: рассматривает только утверждение о непроведении расследования и оставляет без внимания факт насильственного преследования группы журналистов, идентифицированных в качестве таковых, при осуществлении ими своей деятельности. Эти факты четко изложены в нескольких частях решения (пункты 2.4 и 8.3), но не рассмотрены. Я не хотела бы слишком подробно истолковывать сделанный выбор — сосредоточиться на процессуальных аспектах дела. Однако, исходя из практики Европейского суда по правам человека и его тенденции рассматривать только процессуальные аспекты нарушения прав человека, что влечет за собой значительные уступки по отношению к государствам², это представляется тревожным сигналом.
5. Во-вторых, минималистский подход противоречит собственным стандартам Комитета, установленным в его замечаниях общего порядка № 34 (2011) и № 37 (2020). Как подчеркнул Комитет в пункте 13 своего замечания общего порядка 34 (2011), свободная, не подлежащая цензуре и ограничениям пресса, или другие средства информации в любом обществе являются важным элементом обеспечения свободы мнений и их выражения, а также реализации других предусмотренных Пактом прав. Она является одним из краеугольных камней демократического общества. В замечании общего порядка № 37 (2020) Комитет сказал об этом еще более прямо, отметив, что «[журналистам] не может быть запрещено выполнять эти функции или необоснованно ограничено их выполнение, в том числе в части мониторинга действий сотрудников правоохранительных органов. Они не должны подвергаться репрессиям

¹ См. *Н. С. против Казахстана* (CCPR/C/140/D/3039/2017).

² См. О.М. Arnardottir, “The ‘procedural turn’ under the European Convention on Human Rights and presumptions of Convention compliance”, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 15, No. 1, 1 January 2017.

или другим преследованиям, а их оборудование не должно конфисковываться или повреждаться»³. Настоящая жалоба представляет собой наглядный пример преследований и притеснений журналиста за освещение им акции протеста, ведения фото- и видеосъемки поведения полицейских. Комитет должен был проанализировать эту ситуацию, именно как нарушение государством своего обязательства не запрещать журналисту выполнять свои обязанности и своего обязательства не запрещать распространение информации, представляющей общественный интерес.

6. В-третьих, минималистский подход противоречит не только собственным стандартам Комитета, но и международным стандартам, применимым к защите свободы выражения мнений в целом и безопасности журналистов в частности. Совершенно очевидно, что преследование журналистов во время освещения ими протестов — физическое или словесное преследование, угрозы, изъятие материалов — не только оказывает сдерживающий эффект на свободу прессы, но и представляет собой явное нарушение обязательств государств не препятствовать свободному осуществлению журналистской деятельности и оберегать ее от необоснованных нападков со стороны полиции. В правовой практике региональных органов и Организации Объединенных Наций по вопросам науки, образования и культуры нет никаких разночтений по поводу защиты безопасности журналистов⁴. Как четко сформулировал Межамериканский суд по правам человека в деле *Бедойя против Колумбии*, «[...] чтобы СМИ могли выполнять свою роль по обеспечению журналистского надзора, они должны не только свободно распространять информацию и идеи, представляющие общественный интерес, но и свободно собирать, накапливать и оценивать такую информацию и идеи». В своем докладе за 2012 год Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение отметил, что люди, занимающиеся журналистикой, «наблюдают и описывают происходящее, документируют и анализируют события, заявления, политику и любые предложения, которые могут повлиять на общество, с целью систематизации такой информации и сбора фактов и аналитических данных для информирования секторов общества или общества в целом. Это означает, что любая мера, препятствующая журналистской деятельности людей, выполняющих эту роль, неизбежно будет препятствовать реализации права на свободу выражения мнения в его индивидуальном и коллективном аспектах»⁵. Это перекликается с тем, что подтвердил Европейский суд по правам человека, например, в деле *Наджафли против Азербайджана*, где было подчеркнуто, что государственные меры, препятствующие журналистам выполнять свою работу, могут вызвать вопросы по статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека)⁶.

7. Учитывая этот международно-правовой фон и неоспоримые факты настоящего дела, я не могу разделить подход и вывод Комитета. Утверждение по статье 19 достаточно обосновано и позволяет сделать вывод о нарушении этого положения, рассматриваемого в отдельности.

³ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 30 (выделение добавлено, а первоначальная сноска опущена).

⁴ См. План действий Организации Объединенных Наций по обеспечению безопасности журналистов и проблеме безнаказанности, URL: <https://www.unesco.org/en/safety-journalists/un-plan-action>.

⁵ Inter-American Court of Human Rights, *Bedoya Lima et al. v. Colombia*, Judgment, 26 August 2021, para. 107 (добавлено выделение и опущена оригинальная сноска). См. также Декларацию принципов свободного выражения мнений и доступа к информации в Африке, принятую в 2019 году Африканской комиссией по правам человека и народов (принцип 20).

⁶ European Court of Human Rights, *Najafli v. Azerbaijan*, Application No. 2594/07, Judgment, 2 October 2012, para. 68; см. также, в частности, пп. 64–70.